

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 654.197

DOI 10.17223/19986645/18/9

Ю.М. Ершов**ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ТЕЛЕВИДЕНИЯ В РОССИИ**

В статье дается критический анализ деятельности вещательных телекомпаний в краях, республиках и российских автономиях, рассматриваются проблемы национальной идентичности коммуникаторов и их целевых аудиторий, а также история вопроса с двуязычием на отечественном телевидении. В работе используются материалы контент-анализа программ сибирских вещателей и телекомпаний других регионов. Публикация может быть интересна журналистам и медиаменеджерам, исследователям местного телевидения.

Ключевые слова: телевидение, нация, регион, автономия, двуязычие, билингвизация.

Когда в нашей стране речь заходит о национальном телевидении, то имеют в виду не «Первый» канал и не «Россию» как общенациональные телекомпании, а вещание на татарском языке или, допустим, национальную вещательную компанию «Саха» со штаб-квартирой в Якутске. Национальное телевидение в России мыслится как региональное или республиканское телевидение. Именно по этой причине у нас не в ходу определение «общенационального канала», вместо которого используют понятия общесоюзного, общероссийского, общегосударственного, федерального и т.п. Использование таких неравнозначных заменителей или даже эвфемизмов продиктовано нежеланием задеть чувства представителей малых народов России или национальных меньшинств. Меньшинство – это группа, которую отличают от большинства языковые, этнические или культурные характеристики. «Это группа, которая обычно не только стремится поддержать свою идентичность, но и старается придать этой идентичности более сильное выражение» [1].

Необходимость в определении собственной идентичности и идентичности другого у человека непосредственно вытекает из двух его важнейших потребностей – этнических (отнесение себя/другого к национальной/расовой/этнической группе) и идеологических (отнесение себя/другого к категории людей, одинаковыми либо разными способами осваивающих действительность) [2. С. 328]. Придать своей идентичности более сильное выражение в информационную эпоху можно скорее посредством медиаканалов. Поэтому вопрос о прессе национальных меньшинств является таким же ключевым вопросом национальной политики государства, как и вопрос территориальности той или иной этничности. Другими словами, есть ли пространство, которое этнос может считать своим? Есть ли пресса, которая отражает национальные

интересы данного народа? В российской, да и в советской империи эти вопросы всегда решались противоречиво и с многочисленными отступлениями.

Это неудивительно, потому что в таком огромном мультинациональном и многоконфессиональном государстве всегда были конкурентные модели модернизации. На окраинах Российской империи были Польша и Финляндия с собственными национальными идеями, которые никак не вписывались в российский имперский характер и, в конце концов, выломались, состоявшись как обособленные государственные проекты. А на других окраинах страны были тюркоязычные мусульманские ханства, у которых не было никаких лозунгов модернизации, но которые так же, как поляки и финны, противились ассимиляции в «имперском котле», усиливая свою идентичность в национальной прессе. «Десятилетиями так сложилось, что в истории отечественной журналистики доминирующее место отводилось изданиям Петербурга и Москвы и анализу творчества выступавших там публицистов. О провинциальных газетах и журналах, тем более издававшихся в национальных регионах России, либо говорилось вскользь, либо вовсе не упоминалось» [З. С. 54].

Большевики вроде бы разрушали царскую «тюрьму народов». Они создали государство, в конституции которого были закреплены принципы самоопределения и равноправия народов, федерализма и т.п. Но на деле было построено более унитарное, более централизованное и более жестко управляемое государство, чем предшествовавшая СССР Российская империя. В Советском Союзе к региональной культуре часто относились как к чему-то отсталому и реакционному. Причем «провинциальное» считалось противоположным не только федеральному, но и универсальным ценностям Кодекса строителя коммунизма. В советском новоязе бытовало словечко «местничество», означавшее отступление от линии партии на местах. Любой руководитель в регионе, обвиненный в местничестве, мог лишиться партийного билета, а в периоды обострения политической борьбы – и жизни. Модернизация в нашей стране всегда рифмовалась с централизацией, а регионализация – с контрреволюцией и фрондой.

Регионы – это не данность и не исторический анахронизм, а постоянно меняющаяся социальная конструкция. Так же и региональные СМИ – побочный продукт региональной политики, если таковая есть в государстве. В одних условиях региональные медиа расцветают, в других – вытесняются центральным ТВ и общесоюзными программами радио. В Советской России политическому руководству не хватало последовательности, оно шарахалось из одной крайности в другую. В 1920-е гг. процветала так называемая «украинизация» и «белорусизация» школ, «языковое строительство» и выпуск газет на языках малых народностей. Этот период называли «коренизацией», т.е. увеличением доли национальных местных кадров в партийной и советской администрации национальных окраин с целью укрепления большевистской власти на местах. Но уже в начале 1930-х гг. эти региональные процессы были свернуты в связи с началом «борьбы с буржуазным национализмом», в ходе которой основная часть местных «коренизаторов» подверглась репрессиям. В 1937–1938 гг. произошел возврат к имперской русификации.

В 1950-е гг. при проведении телефикации страны коммунистическая партия и советское правительство очень полагались на энтузиазм масс не местах

и позволили соорудить первые телецентры методом «народной стройки», потому что бюджетных денег на все стройки социализма не хватало. Однако местные телестудии не могли устроить верховную власть уже в силу различия своих индивидуальных физиономий. Советское государство было мощной силой насаждения культурного единообразия посредством всеобщего образования, одной официальной языковой и информационной политики. И телевидение, по замыслу руководства страны, должно было крепить единство СССР, а не разводить «местечковость». Как только появилась техническая возможность строительства системы Центрального телевидения, телестудии регионов оказались в опале за мелкотемье и злоупотребление местным колоритом, а некоторые и вовсе были расформированы под предлогом нерентабельности или невозможности регулярной технической модернизации.

В 1965 г. вышло Постановление ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения местных студий телевидения РСФСР», сущность которого сводится к требованию укрепления материально-технической базы телевидения и усиления идеологической направленности вещания. Руководство партии заявляло, что вводит в эксплуатацию десятки приемных станций спутниковой связи «Орбита» в районах Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Крайнего Севера. Это современное и весьма затратное оборудование, которое никогда не поставили бы за счет средств местного бюджета. Коммунистическая партия перестает закрывать глаза на ту «художественную самодеятельность», которая царила на местных телестудиях с 1950-х гг. Партии было надо, чтобы телевидение наглядно демонстрировало преимущества советского образа жизни. Иначе нечего и гордиться было всю эту спутниковую систему. Даже в обезличенной официальной форме партийного постановления едва удается скрывать презрение к культурам и языкам периферии.

Масштабная телефикация территорий страны воспринималась в 1960-е гг. как модернизационный проект и инструмент мягкой ассимиляции национальных окраин СССР. Более 40 % населения в Советском Союзе, как следует из опубликованных отчетов о переписи населения и социологических обследований, с трудом говорило на русском языке [4. С. 48]. В некоторых закавказских, среднеазиатских и прибалтийских республиках доля населения, не понимающего русского языка, была вызывающе высока. С такими показателями трудно было строить новую общность людей – советский народ. Проникновение ТВ с программами из Москвы, строительство телецентров и организация производящих телестудий, подготовка национальных журналистских кадров для аудиовизуальных СМИ – все это должно было способствовать укреплению принципов интернационализма и дружбы народов.

На деле же копились обиды с двух сторон, потому что никакого подлинного, а не декларативного равенства быть не могло. Национальные меньшинства замечали любое ущемление своих прав. Например, украинцы обнаружили, что в восточной части республики было построено в шесть раз больше телецентров, чем в Западной Украине с количественно сопоставимым населением. Приметы информационного неравенства сказывались и в подготовке национальных журналистских кадров. В Средней Азии факультеты журналистики были открыты в Ташкенте и Алма-Ате, но их не было ни в Туркменистане, ни в Киргизии. Существовали центры профессиональной подготовки журналистов в Киеве и

Минске, но не создали их в Вильнюсе и Кишиневе. В Молдавии, заметим, не было ясно определенного регионального канала. Передачи Кишиневской студии ТВ врезались в эфир второй всесоюзной программы. В 1979 г. в РСФСР на 1000 человек приходилось 277 телеприемников (близкая к средним союзным показателям цифра), а в Молдавии – всего 85.

Помимо культурного и информационного есть еще и социальное, экономическое неравенство, которое не отменить никаким партийным циркуляром. Телевидение, как выяснилось, придает более сильное выражение не только этнической идентичности, но и неравенству языков и народов. Представители малых народов СССР не могли воспринимать ЦТ как свое родное телевидение по банальным причинам отсутствия в кадре этнически иных лиц. В эфире ЦТ никогда вообще не было программ на иных языках, кроме русского. «На ЦТ никогда не было диктора-казаха, киргиза, туркмена, узбека, чукчи – хотя бы одного! Только русские. Александра Буратаева была приглашена на российское ТВ уже в годы перестройки. И это считалось взвешенной национальной политикой» [5. С. 48]. На самом деле проводить национальную политику в СССР очень мешало имперское сознание, которое отразилось и в строительстве Центрального телевидения. В республиках видели, сколько Центр тратит финансовых средств на сооружение Останкино и сколько денег достается регионам с их малыми телестудиями.

Но многие русские в Советском Союзе также были недовольны национальной и региональной политикой, считая, что коренное население компартия зажимает в угоду республикам и их князькам, которые кормятся за счет русского населения, не давая чего-то взамен. Примечали неравенство в сокращении телевизионного производства. В 1970-е гг. закрыли многие местные студии (Рубцовск, Бийск, Нижневартовск), но не тронули ни одну национальную (Ижевск, Чебоксары, Йошкар-Ола). Почему жители Алма-Аты могли в 1980-е гг. смотреть четыре программы, две из которых были на казахском языке, а жители Барнаула или Омска видели в то же время только две программы, в одну из которых врезалась местная студия на два часа? Российская империя разрушалась с двух концов: посредством великодержавного шовинизма, который стремился превратить ее в русское унитарное государство, и посредством национальных движений других народов, которые пытались этого не допустить. С тех же двух концов разрушалось Советское государство, в котором национальным меньшинствам было мало того, что они имели, а русским националистам недостаточно того, что было у титульной нации.

Трудно было объяснить народу (а объяснить приверженцам национальной идеи, пожалуй, вообще невозможно), что общесоюзный ЦК, общесоюзная Академия, все эти общесоюзные институты и есть в основном российские. Появление вторых – собственно российских – означало бы создание двух реальных центров сил, что чревато двоевластием и анархией. И что привело, в конце концов, к крушению Советского государства, когда эти параллельные институты все-таки появились. Одним из важнейших элементов агитации Бориса Ельцина и демократов являлось утверждение, что Россия эксплуатируется союзным государством, что она неполноправна. Что у нее нет собственного правительства и президента, своего телевидения. И эти лозунги

помогли демократам перехватить власть у деморализованных коммунистов. Потому что коммунисты могли в Вильнюсе отбивать телецентр у литовских националистов, но в Москве отбивать его у своих русских уже не могли, потому что это было бы уже гражданской войной, страшная память о которой в сознании людей еще жива.

Поскольку советская идентичность на глазах распадалась, людям надо было зацепиться за какую-то другую воображаемую общность. Таким сообществом стали регионы, которые захотели вдруг сбросить тоталитарное иго и добиться равноправия. На время возобладали романтические или утопические настроения отрешения от старого советского мира и построения демократического, либерального, рыночного строя жизни с новыми институтами, включая и альтернативное телевидение. В годы ельцинского правления был отстроен комплекс государственных телекомпаний ВГТРК. При этом максимально учитывались национальные интересы региональных территорий даже с очевидными перекосами. К примеру, в Кудымкаре (районный центр Пермского края) есть ГТРК «Коми-Пермяцкая», хотя численность населения в этом городке достигает всего 31 тысячи человек. А в крупном промышленном центре Сибири Новокузнецке с численностью населения 563 тысячи человек никакой государственной телерадиокомпании нет!

Нет государственной телекомпании и в Тольятти с населением 703 тысячи жителей. А в Туре (стойбище эвенков в Красноярском крае) с населением 5 тысяч человек есть ГТРК «Хэглэн». Такие аудиторные диспропорции в государственном телевидении могут быть объяснены только высокими задачами национальной политики в регионах. Поскольку эти задачи решаются на бюджетные деньги, было бы правильно, если бы руководство ВГТРК нашло способ представления общественности своей политики в регионах. И объяснило, к примеру, какие информационные задачи в состоянии решить корякская ГТРК «Палана» в одноименном поселке с населением в 3,5 тысячи человек, но не способен решить телеканал «Россия», который можно принимать в том же поселке. Не «кипятим» ли мы Тихий океан, сооружая мегаваттные передатчики там, где на многие сотни километров больше живет медведей, чем людей?

Как обстоят дела с национальным колоритом ТВ на местах, можно увидеть на примере сибирских регионов. Национальный вопрос – тот оселок, на котором могла бы быть завязана желаемая уникальность каждого района. На территории Сибирского федерального округа проживают представители более 130 национальностей (русские, татары, украинцы, немцы, буряты, хакасы, казахи, тувинцы, алтайцы и др.), включая 18 национальностей коренных малочисленных народов Севера и Сибири (эвенки, селькупы, кеты, нганасаны, долганы и др.). Однако иноязычные программы существуют только в половине регионов из 12, входящих в Сибирский федеральный округ (в Республиках Алтай, Хакасия, Тыва, Бурятия, в Забайкальском крае и в Новосибирской области). «Национальные» телекомпании, как и подавляющее большинство других региональных телекомпаний, имеют небольшой объем собственного производства программ (на 3–4 часа в эфирные сутки) и потому вынуждены идти на сетевое партнерство с одной из московских телесетей. Тяжело наблюдать эфирное соседство информационной или познавательной про-

граммы на бурятском или каком-либо ином языке с разнuzданной развлека- тельной передачей ТНТ или СТС. Такое соседство только подчеркивает, как мы все-таки далеки друг от друга, какие цивилизационные пропасти лежат между нами.

Имеющиеся в Сибири проблемы с иноязычным вещанием можно сумми- ровать в нескольких обобщающих тезисах:

1. Мизерная доля вещания на «родном» языке в национальных республи- ках. Телевещание в Бурятии на национальном языке составляет, как свиде- тельствуют данные местного мониторинга, не более 30 % от эфирного време- ни [6]. В других республиках эта цифра еще меньше (приблизительно 15– 20 %)¹.

2. Отсутствие системы подготовки журналистов из коренного населения на местах (небольшая доля представителей национальных республик учится на русскоязычных факультетах и отделениях журналистики сибирских вузов, где в последние годы сокращается плановый набор).

3. Отрицательная динамика языковой ситуации, когда многие жители республик, особенно в крупных городах, утрачивают владение родным язы- ком, а соответственно, не способны воспринимать предоставляемую телеин- формацию не на русском языке.

В сравнении с другими сибирскими регионами эфирная ситуация с би- лингва-вещанием выглядит чуть лучше в Бурятии. Аудитория этой республи- ки имеет возможность смотреть четыре «двуязычных» телеканала, которые передают в эфир достаточно качественные программы на бурятском языке. В других сибирских субъектах Федерации этнические интересы представлены лишь эпизодически и очень скупо. Например, в Забайкальском крае, где про- живают 6,1 % бурят, на ГТРК «Чита» существует одна информационная про- грамма на бурятском языке «Сагай амисхал» («Пульс времени»). В Новоси- бирске на канале «РБК-Новосибирск» выходит тележурнал «Мир наций», рассказывающий о взаимодействии городского сообщества с национально- культурными автономиями и организациями. В других сибирских областях игнорируют иноязычный эфир, хотя запуск «национальных» проектов мог бы привлечь к местному телевидению новых благодарных зрителей. Скажем, в Томской области, где проживает около 20 тысяч татар, можно было бы соз- давать передачи на татарском языке², в Омске – на казахском и украинском³, в Иркутске – на бурятском⁴.

У нас много говорят об экономическом и инновационном развитии, но почти не ведут речь о гуманитарной составляющей регионального развития. Надо отметить, что опыт создания не только отдельной программы, но цело- го многоязычного телеканала в Сибири имеется. Более 10 лет (с 1997 по

¹ В сравнении с другими регионами России это ничтожный процент. В Татарстане, Кабардино- Балкарии и некоторых других автономиях вещание на национальных языках ведется в прайм-тайм, а в некоторых случаях и круглосуточно.

² До конца 1990-х гг. программа на татарском языке выходила еженедельно на областном госу- дарственном радио Томска, после чего потеряла бюджетное финансирование и закрылась.

³ В Омской области проживает 81, 6 тысячи казахов и 77,8 тысячи украинцев.

⁴ В Иркутске в 2007 г. на телеканале «Аист» выходили новости на бурятском языке, но позднее закрылись по тем же финансовым причинам.

2008 г.) в Новосибирске существовал канал «Молодая культура Сибири», который был ориентирован на представителей национальных меньшинств, проживающих в городе. Канал выпускал собственные передачи, ретранслировал телеканалы Белоруссии, Армении, Азербайджана, Украины, Грузии. Вещание здесь шло на десяти языках, включая русский. Однако по причинам экономического порядка канал не выдержал конкуренции и, не получая никакой поддержки государства, вынужден был прекратить свою культурно-просветительскую деятельность.

«Вещательная политика любой национальной телеорганизации не может быть наполнена только национальными моментами, ибо всякая попытка выпячивания национальных особенностей с неизбежностью ведет к более или менее откровенному национализму. В то же время недооценка национального своеобразия... не способствует внутреннему обогащению национальной культуры... Подобное понимание диалектики национального и межнационального на телеэкране требует от практиков ТВ постоянного поиска сбалансированного соотношения национальных и общечеловеческих ценностей в содержании и форме телепередач, во всех элементах вещательной политики межнациональных каналов и региональных программ» [5. С. 49]. Действительно, нелегко найти баланс между необходимым и достаточным в вещательной практике мультикультурализма. Тем более что национальная интеллигенция всегда стремится придать своей идентичности более сильное выражение, рассматривая ТВ как строительную площадку нации. Это усиление может обернуться снижением толерантности в российском обществе и уже приводит к росту националистических настроений. Надо принимать во внимание и то, что в постсоветской России доля русского и, шире, русскоязычного населения (т.е. лиц разных национальностей, для которых русский язык является родным) увеличилась по сравнению с прежней конфигурацией автономий. А большинство других наиболее крупных и развитых языков бывшего Союза Советских Социалистических Республик оказались в основной своей части вне Российской Федерации.

Так же, как между большим и малым этносом всегда были и будут различия культурного плана, между центральными и периферийными регионами было и будет культурное и информационное неравенство. Невозможно каждому областному центру дать по Большому театру. В какой-то мере это касается и обладания вещательным телецентром. В сломе партийно-советских устоев стали восстанавливать историческую справедливость и сооружать телецентры там, где советская власть этого не сделала по причинам экономическим или ресурсным. Особенно активно этот процесс пошёл в национальных республиках и областях, поскольку отсутствие собственного ТВ воспринималось там как дискриминация по национальному признаку. Но скоро выяснилось, что поставить вышки с ретрансляторами – мало; надо обучить национальные кадры, приобрести титровальные машины и нанять переводчиков для языкового дубляжа программ, увеличить производство контента для многочасового эфира. И все это требует, как правило, куда больших финансовых средств, чем имеется у собственников и менеджеров телекомпаний.

Борьба за независимость в вещательной политике, как и в любой другой политике, увлекательна лишь для победы в ней. А потом начинаются муки

той самой свободы, которую принято считать сладкой, но которая обременяет заботами куда большими, чем гнет Центра. Заботы эти связаны хотя бы с тем, что ни одна территория Российской Федерации не имеет самостоятельной информационно-коммуникационной инфраструктуры. Нет автономных приемно-передающих систем телеканалов, нет своих информационных источников, нет своей системы подготовки кадров для медиаотрасли и т.д. А когда нет своих ресурсов, то представители территорий обращаются к Центру, который должен вроде бы всё необходимое регионам предоставить.

Рынок с его законами прибыльности оказался не меньшим врагом национальной идентичности, чем коммунистический Интернационал. При советском режиме в каждой автономной области поддерживалось книгоиздание на языках малых народов, даже если этнос насчитывал всего несколько тысяч человек. В постсоветское время рыночная экономика начинает ориентироваться на показатели охвата, рейтинги и перестает интересоваться малыми тиражами на любых языках. Главная газета Элисты «Хальмг унн» («Калмыцкая правда») стала фактически двуязычной. Официальные материалы печатают по-калмыцки, а программу телепередач, анекдоты, гороскопы, часть спортивных материалов и всю рекламу – по-русски [4. С. 49]. Таким же компромиссом между рынком и национальной идеей выглядит эфир национальной вещательной компании «Новый век Татарстан». Новости выходят на татарском языке, а вся реклама – на языке межнационального общения – русском.

Одной из причин конкурентного сосуществования двух языков в национальных автономиях является значительная часть русскоговорящих и русских, которые категорически отказываются учить язык титульной нации¹. Проведенный нами анализ телевизионного эфира на языках народов Российской Федерации выявил большие диспропорции в билингва-вещании. Неплохо обстоят дела с двуязычным вещанием только в двух самых больших республиках: Татарстане и Башкортостане, где уже лет десять как созданы национальные вещательные компании. В других автономиях на языках титульных наций выпускают очень мало программ. На дефицит иноязычия в телевизионном пространстве субъектов Федерации влияют три фактора: бедность телекомпаний, недостаточная патриотичность республиканского руководства и нехватка профессиональных национальных кадров.

Из трех названных причин остановимся только на последней как наиболее латентной проблеме. То, что в большинстве республиканских вузов сохраняются группы национальной журналистики (Казань, Уфа, Ижевск, Якутск и др.), скрадывает остроту проблемы, а показатели набора в эти группы мизерны. Например, в Удмуртском госуниверситете на факультете журналистики есть удмуртское отделение, но принимают на бюджетные места там всего 6 человек. Те же крохи и в Чувашском государственном университете, и в Башкирском государственном университете. Такие ничтожные цифры набора и выпуска специалистов не позволяют даже поддерживать простое воспроизводство кадров в национальном сегменте медиаотрасли, не говоря уже о развитии творческого потенциала и прорывных проектов вроде национального канала культурно-просветительского характера.

¹ Мы имеем в виду отказ взрослых учить чужой язык. Дети учат чужой язык легко.

Прожить можно только во взаимодействии с другими территориями, для чего нужна постоянная координация действий. Пока этой координацией занимался Центр, его руководство можно было критиковать по принципу «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Когда Центр устранился от координации региональных инициатив, то в области творческих индустрий и культурных политик развал наступил быстрее, чем в промышленном производстве регионов. Вслед за исчезновением государственного надзора и отменой бюджетного финансирования часто исчезает и сам предмет забот. Надо помнить, что многие годы в стране существовала государственная составляющая телевидения с присущими ей приоритетами: «создание передач о фольклоре, быте, национальных традициях, программ для национальных меньшинств на родном языке и т.д. Эту часть продукции местной студии следует считать бездоходной» [7. С. 4]. С развитием рыночных отношений в регионах эта часть продукции не стала доходной, но по-прежнему требует федеральной поддержки и финансового участия местного самоуправления. Регионализм и децентрализация не означают немедленного освобождения вещательных компаний от административного прессинга или партийной принудительности. Часто регионализм как политика оборачивается централизмом, уменьшенным до местных масштабов. То есть областной или краевой центр насаждает свои взгляды на развитие медиапредприятий и культурных учреждений районов.

Итак, если что-то и угрожает ныне «единству России», так это бремя центральной власти, ведущей себя так, что региональные элиты вынуждены задумываться об ином Центре. Основной проблемой регионализма является то, что никакой целенаправленной государственной региональной политики в России нет. Нужны целенаправленные действия и по рекультивации заброшенных пространств, и по сохранению малых языков, часть из которых стремительно умирает. Так же, как в своё время Центральное телевидение служило русификации, телевидение регионов может сослужить службу национальной идентичности малых народов, если посчитает своей миссией производство программ на этих языках. Привлечение переводчиков и титрование иноязычных программ увеличивают производственные затраты, но это должна быть осознанно антирыночная, просветительская политика. Телевидение в регионах имеет шанс создать языковую картину мира и способствовать интеграции разных этносов, но в то же время ТВ может стать инструментом ксенофобии. В свете поручения Президента РФ создать в ближайшее время общественное телевидение в стране приобретают особую актуальность разработки моделей телевидения, транслирующего не только факты, мнения и знания, но и национальные образы мира. Необходимы междисциплинарные исследования телевидения как культурной фабрики нации и мастерской национальной идентичности.

Литература

1. Верховный Комиссар по делам национальных меньшинств на сайте ОБСЕ – Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. <http://www.osce.org/hcnm/43201>
2. Еришов П.М. Потребности человека. М.: Мысль, 1990.

3. *Овсеян Р.П.* Возвращение утраченного: Заметки историка журналистики. М.: ООО «ПОЛПРЕД Справочники», 2007.
4. *Алпатов В.М.* Языковая ситуация в регионах России // Отечественные записки. 2005. № 2.
5. *Цвик В.Л.* Национальная идентификация телеканалов в эпоху глобализации: Электронные средства массовой информации в контексте новых вызовов времени. СПб., 2006.
6. *Депутаты* Хурала негативно оценили ход реализации Закона «О языках» / 18.12.2009 // Информационное агентство «Байкал-Медиа». <http://baikal-media.com/news/society/57291/>
7. *Грызунова О.И., Дерибас Г.Т., Косова Т.С., Немировская М.Л.* Организационно-экономические модели деятельности региональных государственных телерадиокомпаний. М.: Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 1997.